

Незабываемые ...

(воспоминания о наших учителях)

1. **Милое детство.** «Реки текут из прошлого...». Оно по-настоящему началось, когда зачмыханный пароходик подошел поздней осенью к пристани на левом берегу Лены. Мы – отец, мама и я приехали в Якутск. Здесь начались и прошли мои школьные годы.

Недалеко от дома, где мы поселились была, так называемая в те годы, образцовая школа. Вот туда я и ходила в первый класс. Это была какая-то удивительно уютная, теплая, аккуратная и чистенькая школа. И как только техничка Таисия Ивановна (не помню ее фамилии). Снами училась её внучка – Валя Аргунова, маленькая девочка, прима нашего школьного балетного кружка, успевала поддерживать чистоту во всей школе, да еще готовить и кормить всю школу на больших переменах вкусной наваристой овсянкой. И, казалось, нам, что не было ничего лучше этой густой, ароматной похлебки.

Я перебираю старые фотографии, которым уже больше полувека. Вот моя первая школьная учительница – Феоктиста Дмитриевна Аверина – милая, веселая, красивая. До сих пор помню её улыбку, светлые волнистые волосы, собранные сзади в тяжелый узел. Вот урок труда или рисования. Мы так всегда ждали этих уроков! Все 40 ребячьих душ замирали в предвкушении, когда в наступавшей тишине, Феоктиста Дмитриевна доставала из ящика стола очередную книжку и начиналось таинство чтения. Конечно, мы и сами уже были приучены читать, но одно дело – было читать самому, а другое дело – слушать всем вместе. Это было, как семейное чтение зимними, морозными вечерами. Как мы переживали вместе за судьбу маленького мальчика Рыжика или следили за проделками веселого, смелого Буратино.

Мы расстались с Феоктистой Дмитриевной после 3-го класса. Как мы были опечалены, когда в последний раз она пришла в наш 3-й класс.

В 4-м классе у нас была Александра Ивановна Ковина. Я помню ее короткую стрижку, спокойный взгляд умных, вдумчивых глаз. Ах, как она понимала нас! Ведь 10-11-летние дети, это были уже личности и в классе случалось всякое. Личностями то личностями, но вот один мальчик постеснялся попроситься выйти в уборную и на перемене обнаружили под его партой большую лужу. Казалось, что класс взорвется от смеха, что его задразнят, унизят, засмеют. Но Александра Ивановна мгновенно оценила ситуацию, и никто из ребят не подал и виду, что знает о случившемся, когда мальчик вернулся в класс.

А такт Александры Ивановны... Наверное быть тактичным человеком со взрослыми легче, чем с детьми. Но она умела быть тактичной и с нами – детьми. Наверное, это и труднее, и важнее. На девочку наговорили, что называется напраслину. Девочке нелегко было это переживать. Однажды Александра Ивановна прошла с ней по коридору: «Что случилось, Валя? Это правда? Девочка подняла на нее полные слёз глаза: «Не надо, Александра Ивановна, поговорите об этом в другой раз». Александра Ивановна не стала настаивать на разговоре, а просто сказала: «Хорошо, Валя, не расстраивайся...» Это был разговор двух взрослых людей. Очень умело Александра Ивановна смогла нормализовать в тот период классную жизнь.

Пионервожатой в классе была дочь Александры Ивановны Нина Ковина, такая же спокойная, сдержанная как мать.

А старшей пионервожатой в то время в школе была Вера Дорофеевна Бориспольцева. Все таки она была удивительный человек! У нее не было педагогического образования. Но как к ней тянулись дети. И девочки, и мальчики. Может быть потому, что она была с Украины и овеяна какой-то романтической дымкой её далекой Родины. Это особенно производило впечатление на мальчиков. Что такое Украина? Это Запорожская сечь. Это казачья жизнь. Это лихие кони. Это отвага и бесстрашие казачьих отрядов. Это куренные атаманы. Это гетманы Украины. Ребята зачитывались «Тарасом Бульбой», захлёбывались смехом, читая «Ночь перед рождеством» и замирали над «Майской ночью или утопленницей».

Как и все украинские женщины Вера Дорофеевна была замечательной руководительницей. Она умела всё. Девочки как замороженные следили за её руками, когда она, например, показывала им, как вышивать «Полтавским швом». Вообще вокруг нее толкались целый день всякие умельцы. Там, где была она сейчас же создавался какой-то клуб или штаб.

А какие цветы она умела делать из простой подкрашенной бумаги! И, когда на первомайскую демонстрацию выходила наша школа, это была самая красивая яркая колонна – фантастические цветы, букеты, гирлянды алели, голубели, зеленели над колонной.

Вера Дорофеевна была и искусным рассказчиком. Особенно мы любили, когда она пересказывала нам прочитанные книги, если иногда ей приходилось подменять заболевших учителей. «Отверженные» Гюго, была конечно сложная книга для восприятия 10-11-летним детям, но мы слушали затаив дыхание о бедной сироте Козетте и благородном каторжнике Жане Вольжане. Пересказ Веры Дорофеевны произвел на меня такое сильное впечатление, что позже я никогда даже не хотела сама прочесть эту книгу.

Помню как Вера Дорофеевна потом спросила у нас чем же нам понравился Жан Вольжан? Мы подумали и подняли руки для ответа: Жан Вольжан нам понравился за то, что он всегда на зло отвечал добром. Значит правильно Вера Дорофеевна расставила акценты в своем пересказе. Тем более, что она сама была очень добрым человеком.

А, как мы любили наших учителей! Оно и понятно – что надо малышне и ребятам постарше? Внимание, мягкость даже для самых отчаянных шалунов. Во всех наших учительницах было что-то материнское и мы это так чувствовали. Но вот не могу понять как удавалось нашему директору образцовой школы в те 30-е годы – Иннокентию Евгеньевичу Винокурову овладеть нашими ребячьими душами? Он не старался делать это специально. Просто мы чувствовали его доброту и интерес к нам от самого маленького первоклашки до солидных четвероклассников (школа была начальная). Директор и ученики – казалось бы, что между нами и им должен стоять какой-то барьер. Ничуть не бывало! Вот Иннокентий Евгеньевич выходит из своего кабинета и идет длинным коридором, сверкающими чистыми крашеными полами в своем темно-синем костюме, с доброй улыбкой на смуглом, монгольского типа лице. И мы, завидя его, мчимся ему навстречу. И он успевает всех выслушать и поговорить. И про самую интересную книгу на свете «Таинственный остров» Ж. Верна. И про новый кинофильм «Дети капитана Гранта». И он тоже сожалеет вместе с нами, что для такой книги одной серии маловато. «Но когда-нибудь, - говорит он, этот фильм покажут в нескольких сериях». И мы были рады этому безмерно.

А кто организовал создание снежной горки под забором на школьном дворе? Конечно – Иннокентий Евгеньевич. Он понимал, как нужна ребятам разрядка после уроков. И мы мчались с горки кто на чем – кто на портфелях, кто на досках, кто на ранцах, а кто просто на пальто или на шубках. Ну и что, что трещит 40-50 градусов морозаище мы все равно лихо несемся друг за другом вниз, вниз. И видим, как в накинута на плечи пальто, выходит на школьное крыльцо Иннокентий Евгеньевич и улыбаясь смотрит на нашу веселую кутерьму.

Вспоминая Иннокентия Евгеньевича, не могу не вспомнить нашего завуча тех лет Зинаиду Григорьевну Расторгуеву. Строгая, подтянутая, всегда в синем костюме и белой блузке, она создавала в школе какую-то особую атмосферу интеллигентности. Даже самые отъявленные шалуны притихали, когда она входила в класс или проходила мимо.

Да! Умел Иннокентий Евгеньевич подбирать в коллективе ярких, самобытных умелых людей, начиная с технички и кончая завучем школы. Каждый был в своем духе и каждый давал детям что-то свое.

По окончании 4-го класса (1938/39 уч.г.) нас перевели во 2-ю неполную среднюю школу, благо она была в том же дворе, что и наша «Образцовка». 5-й класс «в» был угловым на втором этаже. Нам все было внове: и новый коллектив ребят – озорных, сквернословов, переростков, и новые учителя, отдельные по каждому предмету. Чем мы очень гордились –

значит им уже не те прежние малыши. Тем более, что наш классный руководитель Лидия Николаевна Романова обращалась всегда на «Вы», даже если делала при этом замечание. Лидия Николаевна всем сразу понравилась. Было в ней что-то доброе, спокойное, материнское. А это так было нужно всем. Хоть мы и мнили себя уже взрослыми, но даже самым отпетым хотелось, чтобы им иногда кто-то посочувствовал, понял случившуюся в их мальчишечьей жизни сложную ситуацию. Лидия Николаевна очень тонко, интуитивно понимала такого неудачника. Я помню, как Лидия Николаевна входила в класс на перемене и, если делала кому-то замечание, то очень выдержанно, ка-то совсем по-домашнему. И никто из ребят не обижался, не возмущался. Потому что знали – на правду не обижаются.

До сих пор не могу понять, как Лидия Николаевна управлялась с самыми отчаянными, неуправляемыми ребятами. Наверное, она прекрасно понимала психологию каждого ребенка. Она знала кого с кем следует посадить, вместе, чтобы не было конфликтов. Она учитывала, как благотворно иногда влияют девочки на неумные мальчишечьи натуры.

За что мы любили и сейчас помним нашу Лидию Николаевну? За интереснейшие уроки по древней истории. Это было уже в 6-м классе. В том году у нас не было учебников. Занимались во вторую смену. Часто не было света. Тогда зажигали свечи и ставили их на парты, а иначе не суметь написать конспект. За темными окнами 50-60 градусов мороза. Он пробивался сквозь стёкла, и мы сидим не раздеваясь. Холодно. Приходит Лидия Николаевна в накинутом на плечи зимнем пальто с пушистым маленьким воротником. В полутёмном классе она пишет на доске крупными, чёткими буквами название темы урока. Больше полувека прошло с тех пор, а я до сих пор помню её почерк и неспешный, спокойный голос. Этот голос магически уводил нас в те неизмеримо далекие времена и страны. Такие далекие, что хотелось спросить да неужели все это было на самом деле? Навуходоносор, Рамсес II, сады Семирамиды, Вавилон, древние царства от которых в наши дни остались выветренные камни и руины некогда процветающих городов. И куда это все унесло тысячелетия? Голос Лидии Николаевны заставляет нас вдумываться в древние судьбы человечества. Вот за что мы любили и уважали Лидию Николаевну – она учила нас думать. Иногда она кому-нибудь говорила: «Вот ты здесь кое-что не доучил, но я все равно ставлю тебе «отлично», потому что у тебя есть свое мнение и ты рассказывал урок своими словами». Вот главное! Иметь свое собственное мнение! С тех пор прошло больше 50 лет и люди у нас утратили эту способность – иметь собственное мнение. Даже молодые. Наверное их не научили мыслить и иметь собственное мнение. За это стали даже наказывать. Мой сын на 3-м курсе института, конспектируя одну из работ В. И. Ленина посмел занять свое мнение. И был за это сурово наказан – конспекты ему не зачли за весь семестр. А преподаватель был к тому же еще кандидат наук. И тогда я вспомнила Лидию Николаевну. Уверена, что за тот конспект моего сына, она поставила бы самую высокую оценку. Нет, наши старые учителя были умнейшие люди. Как бы радовалась Лидия Николаевна, если бы её ученик, проявил самостоятельность в своих суждениях! Так то ж Лидия Николаевна!

В этом отношении Лидия Николаевна Романова и Иннокентий Евгеньевич Винокуров были в чем-то схожи друг с другом. Главное, они любили в учениках самостоятельность и умение мыслить. В 5-6-7 классах Иннокентий Евгеньевич преподавал у нас русский язык и литературу. Ах, как мы всегда ждали этих уроков! Как умел Иннокентий Евгеньевич заинтересовать весь класс такой прозаической темой, как например, наречие. Но класс работал. Даже самые отъявленные лодыри старались шевелить мозгами. За правильный ответ, за находчивость, за рабочее напряжение от начала до конца урока Иннокентий Евгеньевич мог очень умело поощрить и похвалить одной фразой, парой слов и какой-нибудь бедолага, которому постоянно не везло, вдруг чувствовал себя на высоте положения и был горд собой, особенно, когда Иннокентий Евгеньевич хвалил за мгновенную реакцию во время ответа. Нет, скучать на его уроках было некогда, только успевай соображать!

Так проходили уроки русского языка. А уроки литературы? Их любили все, но особенно те ребята, для которых литература была не только познанием жизни, но и

настоящим творчеством. К таким ученикам у Иннокентия Евгеньевича было свое, особое отношение. И как он умел через посредство литературных образов поговорить с нами о жизни: о любви, о порядочности людей, об их душевном благородстве, о святости дружбы и о многом другом, что несет человеку жизнь и хорошее, и плохое. Таким мне запомнился наш незабвенный Иннокентий Евгеньевич.

Он умер 14 апреля 1941 года, когда мы учились в 7-м классе. Для меня это была первая смерть близкого человека. Как же так? Не будет больше Иннокентия Евгеньевича... Не будет больше его удивительных уроков, мы не увидим больше его доброй улыбки, когда он одобрительно кивал головой, если ему нравился ответ ученика.

Его хоронили обе наши школы: 2-я неполная средняя и наша бывшая образцовая школа. Вера Дорофеевна сделала необычайной красоты венки из желтых и красных тюльпанов и яркой голубизны незабудок. Мы приходили к нему на могилу каждый год. Он был всегда с нами... А у меня до сих пор хранятся листки из последнего при нём написанного сочинения, подписанного его почерком красными чернилами...

Наверное, нашим школам в те далекие годы везло с директорами. Вот хотя бы наша 2-я неполная средняя – старое, угловое, двухэтажное сооружение недалеко от роскошного заливного луга. Вот уж где мы погоняли в лапту. Мне жаль современных детей. Разве они знают тот простор, где можно погонять в мяч, побегать на свежайшем речном воздухе. Почему-то с теми днями у меня ассоциируется фигура нашего директора Ивана Ивановича Винокурова. Высокий, стройный, элегантный в темно-синем костюме с маленькими, темными усиками он был даже похож на кого-то из киноактеров. Но он, наверно, думал по-своему – не хотите встреч наедине, тогда он приглашал весь этот великовозрастный лоботрясный коллектив встретиться всем вместе вечером после уроков. И вся эта публика послушно являлась в назначенное время.

Иван Иванович умел как-то привлечь для какой-нибудь общей работы по вечерам в школу самых бездельников и безразличных ко всему ребят. И никто не болтался по вечерам неизвестно где – все были при деле. И Иван Иванович – с ними. Среди них находилось немало умельцев, которые с увлечением мастерили оформление для школьных веселов, пилили, резали, рисовали.

Но у Ивана Ивановича кроме педагогического умения была еще каккая-то административная жилка.

Я перебираю старые фотографии тех лет. Вот наш 6-й класс в тайге вместе с Лидией Николаевной. Это было при Иване Ивановиче, когда он после учебного года организовывал поездки всей школой в тайгу. Я читаю дату на обороте снимка – 6 июня 1940 г. Это бывали настоящие школьные пикники. В тайгу вывозили буфеты с бутербродами и другими вкусностями, фруктовой водой и даже с вкуснейшим мороженым. Вот мы на фото. Девочки с букетами таежных цветов, мужественные мальчики в надвинутых на глаза кепочках от солнца и Лидия Николаевна, сидя на траве, прижмурилась от яркого солнца и Лидия Николаевна, сидя на траве, прижмурилась от яркого солнца. Как мы всегда ждали этих выездов в тайгу. Наверно организовать такие общешкольные пикники было не легко для учительского коллектива, да и для школьных финансов наверно, тоже накладно. Не знаю... Но вот я вспоминаю строгий, немного суховатый взгляд неулыбчивых глаз Ивана Ивановича и не могу поверить, что он был эдаким педагогическим сухарем. Наверное, где-то в глубине души это был добрый отзывчивый человек. Иначе он бы не дарил детям такую неуёмную радость.

И так жалела вся школа, когда узнала, что нашего Ивана Ивановича откомандировывают на работу в Среднеколымск.

Позже мы узнали, что не затерялся Иван Иванович, не сник от морозов у полюса холода. И там проявилось его организационное умение. На пришкольном огородном участке его ученики выращивали в тех лихих местах разные овощи, даже огурцы. Даже трудно поверить в это!

Жаль, что больше до меня не дошли какие-нибудь сведения о жизни и делах этого необыкновенного педагога и человека.

В те годы перед общественностью не стояла так остро, как сейчас, проблема мужчины-учителя в школе. В нашей 2-й неполной было много преподавателей мужчин. Вот учитель географии – Чугунов – порывистый, с увлечением рассказывающий обо всем интересно и захватывающе; был совсем молодой учитель физики; был Петр Алексеевич Анисимов – наш неизменный хормейстер, добрейший человек, приучивший нас к хорошему пению и научивший петь украинские и старинные русские песни. Был Николай Николаевич Рыбкин – наш математик. К нему тянулись особенно мальчики. Да и вообще он был особенно близок со всеми нами. Затевался ли лыжный поход – он с нами. Посылают ли на школьный участок окучивать картошку – он обязательно с нами. Только он мог разобраться почему загорелся мусор в старой бездействующей печке – только ему признался один мальчик, что курил и бросил горящую папиросу в какую-то дыру между кирпичами в этой злополучной песке.

А когда мы в один яркий, весенний день убежали на лыжах километров на 20? А он мчался за нами на лыжах, боясь, чтобы с нами чего-нибудь не случилось. А ведь у него, наверное, уже тогда, было больное сердце, хоть это был совсем еще молодой человек. Я помню, как покашливая и слегка хватаясь за сердце, он входил в класс в сером просторном костюме, чуть сутуловатый с усмешливым взглядом серых глаз.

Николай Николаевич Рыбкин умер, когда мы перешли в 8-й класс и учились уже в 9-й средней школе. В один очень морозный день он упал на улице и больше уже не встал. Мы пришли проститься. Он лежал в школьном зале. И, глядя на спокойное лицо Николая Николаевича я еще раз подумала, какой же он еще молодой. А рядом, замерев от горя, стояла его жена Нина Ковынина – наша пионервожатая в 4-м классе.

Я опять перебираю старые фотографии. Вот снимок, сделанный на лугу, недалеко от нашей 2-й неполной. Девочки и мальчики в пионерских галстуках. Помню, это был сбор нашего отряда: развернутое знамя, горнист, барабанщик, в руках волейбольный мяч и с краю стоит наша пионервожатая тех лет Люся Ратман. Мы любили нашу красивую, заботливую Люсю. Она всегда старалась, чтобы наши сборы проходили интересно, весело и вообще, чтобы в отряде кипела работа. И вот и тогда на том сборе, на лугу, почувствовав простор, мы сейчас же затеяли игру в нашу любимую лапту. А потом устроили пасовку большим волейбольным мячом. Что нужно было детям? Наверное, Люся понимала, что главное для нас было в том возрасте – движение, движение... Вот это был сбор! Не хотелось расходиться. Вот она на снимке Люся Ратман улыбается своей милой улыбкой.

Так незаметно уходило детство...

2. Далекая юность. Она началась для нас с 8 класса 9-й средней школы. Там все было для нас внове: и дорога в школу, и новые школьные традиции, и новые учителя, и, конечно, новый классный руководитель. А мы – то наивно полагали, что наша дорогая Лидия Николаевна будет всегда с нами. Но в класс вошла Клавдия Николаевна Павлова. Мы смотрели на эту миловидную, совсем еще молодую женщину в роговых очках и старались понять – какая же она будет наш новый классный руководитель? Мы потом разобрались, что Клавдия Николаевна была в сущности, ненамного старше нас. И по непонятному совпадению, как и Лидия Николаевна, тоже историк.

Меня всегда удивляло, как умела Клавдия Николаевна всегда провести черту между учениками и собой – преподавателем? Полнейшее послушание и вместе с тем она была для нас старшим товарищем, старшей подругой, старшей сестрой. Непостижимо до сих пор. Наверно это и есть одна из сторон педагогического искусства вызывать доверие к себе и в то же время обладать безоговорочным авторитетом даже среди самых отъявленных нигилистов. Конечно мы повзрослели, нам уже было по 15-16 лет, но наверно с нами стало и сложнее работать. Мы могли устроить, например, обструкцию на уроке у кого-нибудь из учителей и при этом стоял такой галдеж в классе, что бедный учитель садился спиной, плотную к двери и подпирал ее, чтобы ученики не могли разбежаться во время урока. Но

на уроках Клавдии Николаевны была всегда необычайная дисциплина. Стояла строжайшая тишина, казалось, что голос Клавдии Николаевны раздаётся в пустом классе. Но, наверное не легко давалось такое умение управлять классом. Бывало, Клавдия Николаевна выходила после урока из класса разгоряченная с пылающим лицом. А её старшие коллеги улыбались – Клавдия Николаевна выходит из класса как с поля битвы. Конечно, держать в руках эти сложные 8-е классы мог человек с сильным, крутым характером. Но дело было не только в её сильном характере. Главное она умела ввести нас в историческую атмосферу изучаемой эпохи. Мы слушали её, затаив дыхание, о всех перипетиях Французской революции, Парижской коммуны, о дерзких наполеоновских походах. Мы ходили за ней хвостиком. Особенно когда в 9-м классе, в самой его атмосфере вдруг повеяло чем-то новым, необъяснимым – эти взгляды исподтишка, эти уединённые «обмены тайных дум» на перемене у окна в коридоре, эти так необходимые записочки и провожание домой после уроков. Все это было так сложно, так ново и необъяснимо. Кто мог помочь разобраться во всех этих сложностях? Конечно, Анна Николаевна. Она была в курсе всех наших сердечных дел.

И в этот такой сложный для класса момент, в январе 1943 года Клавдию Николаевну направляют на работу в один из дальних Якутских улусов. Шел самый разгар войны, наверно не хватало кадров. А Клавдия Николаевна была молодая, здоровая, свободная, не обремененная семьей. Она уехала в начале 1943 года и больше я её не видела. Но ниточка между нею и нами – её бывшими учениками – сохранилась на всю оставшуюся жизнь. Из Якутска мы ей слали письма, она – нам. Мы писали о наших обидах, несправедливостях. Она отвечала подробными, серьезными письмами, такими важными для нас. Одна из поговорок гласит, что человек не знает, где найдет, где потеряет. Так и Клавдия Николаевна – уезжала из Якутска Павловой, а учительствовать уехала в Подмоскowie Кошелевой. Даже сейчас, хотя прошло с тех пор почти 50 лет, некоторые её ученики и до сих пор пишут своему бывшему классному руководителю. Ниточка не прерывается.

Я смотрю на фотографию. Вот наш 8-й класс. Снимок сделан в конце учебного года. Вот наша Клавдия Николаевна, а рядом с ней Зоя Николаевна Покровская – наш преподаватель литературы. Мы всегда ждали уроки Зои Николаевны. Она так умела ввести нас в события романов Тургенева, Гончарова, Гоголя, в жизненные ситуации пьес Островского. Она так умела поговорить с нами, даже поспорить об отношении князя Андрея Болконского и Наташи Ростовской. Я помню, как старалась защитить в наших глазах Наташу, которой мы всем пылом юношеского максимализма не могли простить увлечение легкомысленным красавцем Анатолием Курагиным. Но Зоя Николаевна понимала, как сложна жизнь и как много в ней всяких оттенков, и она должна научить нас не только любить, но и уметь прощать человеческие слабости. Мы могли часами разговаривать друг с другом о книгах и о литературе.

Вообще в школе в те годы придавали большое значение литературе. Те прежние уроки литературы и учителя-литераторы способны были формировать и воспитывать личность. Особенно если при этом уроки литературы вёл умелый, интеллигентный преподаватель – это была мощная сила.

Сейчас, конечно, все другое – литературу бессмысленно и бездумно обкорнали, не задумываясь какие оболваненные, душевно глухие вырастают ученики, особенно в юном возрасте.

Вообще в 9 средней школе в те годы, видимо, был подобран сильный слаженный коллектив педагогов.

Даже, казалось, бы второстепенному, в те годы уроку физкультуры придавалось очень большое значение. Я помню нашего физкультуры (к сожалению, забыла его имя, отчество) Клубовского. Вот он стоит за барьерчиком, который отделял спортивный зал от библиотеки и внимательно следит за нашими занятиями: упражнения на кольцах, на брусьях, на перекладине, прыжки в высоту. Он высок, строен, крепок, серьезен и суров. Наверно потому и мы так серьезно относились к урокам физкультуры. Никто не сбегал с этих уроков,

не отлынивал. Даже девочки. Оно и понятно. Потому что девочки из старших классов признавались друг другу, что им очень нравится наш учитель физкультуры. В 1942 году он ушел на фронт и больше я его не видела. Но я уверена, что если в нас на всю жизнь сохранилась спортивная жилка, то это дали нам уроки физкультуры нашего Клубовского. На том старом фото среди восьмиклассников – наш преподаватель математики Игнатий Григорьевич Пинчук. Помню, как наши завятые, классные любители математики не чаяли в нем души. Он тоже в те годы ушел на фронт.

Вот наш учитель физики – Якутов. Мы все любили его умные, такие интересные уроки. А наш учитель естествознаний Владимир Иванович Ишервуд – человек с университетским образованием и энциклопедическими познаниями. А вот Елизавета Дмитриевна – наш учитель географии. Она была настоящий географ, побывавший во многих регионах страны. Она ездила даже верхом на лошадях. Так, что на уроках ей было что порассказать ученикам, как говорится из первых уст. И мы гордились нашим географом.

Случайно ли подобрался в те годы в нашей средней школе такой яркий, интересный педагогический коллектив? Думаю, что нет. Наверно должное нужно отдать тогдашнему директору школы Ивану Михайловичу Романову. Вот он на снимке в центре, рядом с Клавдией Николаевной. Он был похож в своей директорской деятельности на Иннокентия Евгеньевича Винокурова. Так же, как когда-то и тот он умел быть близок к ученикам. Он умел придавать всей школе какой-то особый тон интеллигентности. Даже комсомольские собрания. Иван Михайлович старался не превращать их в занудную говорильню. Он понимал, что перед ним молодые люди, которым нужна разрядка. И вдруг в перерыве раздавались звуки баяна и школьный широкий коридор превращался в пятачок танцплощадки, и все кружились в вихре веселого вальса и девчонки – восьмиклассницы, и солидные члены комсомольского комитета школы и заскочившие на наше интересное собрание секретари райкома комсомола. А Иван Михайлович, стоя в сторонке с доброй улыбкой наблюдал, как резвится его комсомолия. Ах, как всё мог понять Иван Михайлович!

А как старался Иван Михайлович превносить, насколько можно, что-то новое в школу для расширения нашего кругозора. Помню, как в школу был приглашен приехавший из Ленинграда во время войны Хейфец – человек счётная машина и передача мыслей на расстоянии. Мы все были потрясены возможностями человеческого мозга. И насколько месяцев самые дотошные школьные экспериментаторы пытались осуществить передачу мысли. Ну, что-то неуловимая мысль никак не хотела передаваться. Но все равно человек – машина внушил нам представления о возможностях человека.

Историк по профессии, Иван Михайлович очень умело использовал исторические факты, не только на уроках, но и в повседневной жизни. Однажды он случайно зашел на перемене в наш класс и мгновенно, не помню по какому поводу, привел исторический факт о Муции Сцеволе. В классе на какое-то мгновение прекратился галдеж и воцарилась необычная тишина. Мы были так потрясены силой этого человека, что это запало в душу на всю жизнь.

Вот Иван Михайлович проходит широкими коридорами школы своей спокойной, размеренной походкой – интеллигент, с утонченным лицом и мудрым взглядом внимательных, умных глаз.

А вот последняя фотография из моей школьной жизни – конец 10-го класса. В тот год введено раздельное обучение. Наш класс из 9-й школы был переведен в 7-ю среднюю школу.

На последнем фото одни девчонки и наш последний классный руководитель – Борис Мартынович Струминский. Он преподавал у нас математику. И все наши классные математики относились к нему с таким же уважением, как и к Игнатию Григорьевичу Пинчуку.

Да! Много с тех пор времен утекло воды в нашей царственной Лене. Но остались воспоминания. Мы всегда помним наших любимых учителей. Потому что знаем, что то

хорошее, что остались со школьных лет проявления интеллигентности – это тоже от них, наших учителей.